

Андрей Ланиус
**Смерть на
выбор...**

18+

Андрей Ланиус

Смерть на выбор...

<https://litres.ru/73949019>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этой бессмертном творения фантастический и приключенческий сюжет лишь средство для постановки важных общественных и нравственных проблем - ответственности еред исторической памятью и судьбой будущих поколений.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Великий Консул и глупый учёный	7
Глава 2 Консул V Президент	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Ланиус

Смерть на выбор...

Пролог

Средства Массовой Информации Мира Теллус предрекали военное столкновение. Похоже было даже, что они предвкушали его. Захлебываясь, рассказывали они во всех подробностях, как стоят лицом к лицу вдоль граница армии государств, которые в недалеком прошлом были одним единым, одной страной, расколовшейся на две части.

Правительственный издания не скрывали убеждения, что Верховный Консул Кронос Второй, он же Командующий Легионами и полномостный правитель одной из сторон – меньшей по размеру – вряд ли пойдет на какие-либо переговоры. За двадцать лет он создал прекрасную вооруженную, великолепно обученную и натренированную армию, которая сейчас только и ждет сигнала, чтобы обрушить на противника всю свою накопленную мощь за два десятилетия мощь. Дивизии титанов, бригады гекатонхейров, мобильные полки кентавров, эскадра «Тифон», специальные группа «Нимфа». Верховный Консул ждал этого часа, и вряд ли найдутся какие-то доводы, способные перевесить этот важнейший аргумент.

Его противник, в прошлом единомышленник Уранос , с которым вместе боролись от наступления Хаоса за национальную независимость своего единого мира, подготовили и совершили освободительную революцию, сбросивший иго мира Хаоса, разошлись во взглядах, - он, этот человек Правитель Уранос, все эти годы увлекался демократическими преобразованиями внутри своего мира, строить «золотой век», увлекался своим философскими идеями, и, по мнению тех же писак из правительственных изданий, преступно мало интересовался армией, ее боеспособностью, вооружением. К тому слишком много слушал советов своей очаровательной жены Селены

Вот почему при нынешнем кризисе он оказался не в состоянии противопоставить что-либо кроме своих гуманистических идеалов, а этого, как известно, слишком мало для большой политики.

Консул будет диктовать сейчас свои условия – утверждали нанятые борзописцы, и, конечно же, постарается подкрепить свои требования огнем молний. Правитель беспомощен, говорили они, он нарушил одно из важнейших условий современного мира – равновесие сил.

И вдруг – сообщение: Верховный Правитель Кронос Второй дал согласие на переговоры с Правителем Ураносом, они начнут переговоры через три дня в большом полисе одной из соседних стран. Скорее в Аиде.

Это было неожиданно, что наступит шок. Все замолчали.

Ждали – что же будет дальше.

Глава 1 Великий Консул и глупый учёный

Консул летел из ставки Дагона. Здесь он пытался договориться насчет дополнительных поставок оружия, здесь же дал согласие на переговоры, прямо отсюда решил на них лететь.

В его распоряжение был предоставлен специальный самолет, оборудованный для важных персон. С отдельным треном-толчком, записями творений Пана для услаждения слуха, большим запасом божественного нектара – « амврозия » и , на всякий случай, прекрасные хариты. И сатир, на всякий пожарный.

С Консулом летел какого-то крупное и великое светило науки, физик-теоретик, возвращающийся с научного конгресса Гефестион . Консул соизволил взять светило из-за желания поболтать о высоких материях в пути. Да и по пути было. Не чужд был Консул вменяемого демократизма!

Консул вкусно позавтракал, просмотрел утренние новости, послушал последние сообщения радио. Вслед за тем Консул свершил моцион. Это был железный распорядок, от которого Консул не отступал ни разу за последние двадцать лет. И даже здесь, в самолете, он не позволил себе нарушить его.

Он изволил встал , мельком глянул в овальное зеркало, вделанное в стенку уборной, остался доволен , и , слегка наклонив свою крупную голову, переступил порог, прошелся в конец салона. Заложив руку за спину, он медленно прохаживался по ковровой дорожке – пятьдесят шагов в одну сторону, пятьдесят – в другую.

« Семьдесят пять метров, - привычно прикинул он уме. – Десять раз – семьсот пятьдесят, двадцать - полтора километра». Верховный Консул Кронос Второй был крупный мужчина с хорошим торсом, с гордой осанкой, сильным, открытым, чуть надменным лицом, поражающей своей скульптурной законченностью. Крутой лоб, большие пронзительные глаза под абсолютно прямыми, словно по линейки проведенными бровями, крупный нос с горбинкой, тонкие, в ниточку, усики, точеный подбородок – все это выдавало уверенность, ум, силу. Голову он всегда держал чуть откинутаой назад, и даже сейчас, когда его никто не видел, наедине с самим собой, он двигался также – откинув голову чуть назад и вбок, словно рассматривал что-то вдали.

Он медленно прохаживался по самолету, мимо пустых кресел, иногда подходил к иллюминаторам, поглядывал вниз, туда, где проплывала под ним густонаселенные полисы, которые сливались, переходя один в другой.

Потом самолет качнуло – внизу показалась голубая гладь водных владений Протея. Консул слегка улыбнулся, не разжимая губ, и черные ниточки его усов дрогнули. У него было

хорошее настроение, весь мир сейчас смотрел на него, все ждали, что он предпримет, и, в конечном счете, он летел сейчас для того, чтобы его уговаривали пойти на уступки.

Он еще раз прошелся по салону и тут в приоткрытую дверь пилотской кабины вдруг увидел штатского человека, который о чем-то оживленно разговаривал с экипажем. Он тоже был высокий, очень худой, со своеобразным, несколько асимметричным одухотворенным лицом проповедника или артиста.

Консул вспомнил, что с ним летит научное светило, то ли физик, то ли математик, и он (Консул) хотел развлечь себя умной беседой с ним (научным светилом).

- Скажите ему, что я приглашаю его на чашку амврозия. Буду рад, если он окажет честь.

Так они встретились на высоте восьми тысяч метров над землей – глава государства, которое, как считали многие, стояло на пороге большой войны, и глава нового направления в физике, которое, как тоже многие считали, стояло на пороге великих открытий.

Консул встал ему навстречу.

- Весьма рад познакомиться, - сказал он на чистом языке титанов, но с некоторым божественным акцентом, и тоже протянул ручонку.

Консул подвел его к креслу, прикрепленному возле низкого столика. Сам сел напротив в такое кресло.

Они на мгновение встретились глазами и увидел непод-

дельный интерес друг к другу. Светило впервые беседовало с главой государства, а Консул впервые разговаривал с широко известным ученым.

- Я много слышал о ваших теориях, связанных с понятием Времени, - милостиво начал беседу Великий Консул.

- Вельми понеже польщен, - расшаркалось светило. – Признаться не думал, что высоких политиков Олимпа могут интересовать мои ничтожнейшие изыскания.

- Видите лм, - улыбнулся ласково Консул, - в политике часто приходится сталкиваться с фактором времени.

- Да, конечно, - тоже слегка улыбнулось научное светило, - и с понятием пространства тоже. Только толкуются эти понятия нами несколько различно.

- Верно, - согласился Консул, видимо, оценив иронию. – Но не кажется ли вам, что именно поэтому важно найти какие-то точки соприкосновения?

- Хорошо бы, конечно. Только боюсь, что это трудно. Вы мне позволите закурить?

- О, конечно! Сигару? – Консул придвинул гостю инкрустированный деревянный ларец, дар Великого Маниту, источающий пряный аромат.

Физик-теоретик взял коробку, поднес ее к лицу.

- Чудесный табак - он похлопал себя по карману, вынул пачку неприлично дешевых папирос «СуэКа». – Извините, привычка молодости.

Некоторое время они молчали. Ученый щелкнул зажигал-

кой, затянул папироску, а Консул обрезал крайнюю плоть сигары и тоже прикурил от зажигалки.

- Прекрасная вещь, - сказал консул, разглядывая синеватый, почти невидимый язычок газового пламени над зажигалкой. – Из Страны Восходящего Солнца?

- Нет, из Страны Утренней Свежести. Подарок коллеги. Они еще некоторое время молчали, потом консул сказал: - Вы, ученые, ищите совершенство в природе Мы, политики, стремимся к совершенству общества, мне кажется, есть-должны быть общие закономерности.

- Должны быть, тут вы правы Но они произвольно нарушаются, вот в чем беда.

- Только с вашей стороны?- Консул поднял брови и губы его чуть дрогнули.

- О, нет, конечно И в этом, если хотите, я вижу тоже некоторую закономерность. – Ученый печально улыбнулся. – Вы говорите, мы ищем совершенство в мире. Но я материалист. Я считаю, Природа не так уж совершенна изначально, все дело во Времени. Именно Время проделывает ту колоссальную работу, которая затем, в какой-то момент как бы оборачивается для нас совершенством. Этот момент я условно называю Часом Пик. Если изобразить это графически, то прямая, идущая под неким углом вверх, в этой точке меняет свое направление

Светило достал из внутреннего кармана пиджака авторучку, из бокового кармана маленький блокнот, вырвал листок и

быстро, несколькими движениями ручки набросал на листке график.

- Вот видите: до этой точки идет как будто неуклонное развитие в определенном направлении. Однако было бы неверно считать, что развитие в природе есть цепь безошибочных изменений в одном направлении. Происходят мельчайшие количественные изменения в ту и в другую сторону, но природа терпеливо отбирает и закрепляет лишь те из них, которые работают в определенном направлении. Таким образом, она до известного момента не столько рождает совершенство, сколь долго и тщательно стирает свои собственные ошибки.

Ученый посмотрел на сидевшего перед ним человека и увидел, что тот с нескрываемым интересом следит за ходом его рассуждений.

- Очень интересная мысль! – произнес Консул.

- Это не я сказал, - отозвался Ученый, - Это сказал ученый с Севера Тимирязев. Миллионы, миллиарды лет малозаметных изменений, приспособлений, микрокатастроф, и вот, в какой-то момент происходит качественный скачок. – рождение нового, не существовавшего дотопе атома, гибель целой звездной системы или появление такого, например чуда, как человеческий разум. В некотором смысле все это – продукт энергии Времени.

- Так, так

- Считать, что с появлением разума вся природа подчини-

лась ему, передала ему функции управления, была бы роковой ошибкой. Насилие, попытки игнорировать объективные законы, заложенные в основе бытия, всегда мстят за себя. Но разум, постигая эти законы, может предвидеть, где, в какой точке произойдет накопление энергии Времени, произойдет скачок. И он может, исходя из интересов человечества, либо способствовать высвобождению этой положительной энергии, либо постараться приглушить толчок, как я говорю, излом, если здесь произошло накопление отрицательных зарядов.

- А вы бы не могли привести пример вот такого отрицательного накопления?

- Извольте Извержение вулканов. Землетрясения. Тысячелетиями накапливается в глубине земли напряжение в пластах. Дойдя до критической точки, оно разрешается колоссальной силой ударом. Мы недалеко от того, что сможем регистрировать такое накопление энергии, и когда она будет приближаться к критической точке, постараемся отвести эту энергию в нужном направлении. Или вот еще – рак. Я считаю, что рак есть результат накопления отрицательных зарядов времени в развитии живых организмов. Постигнув закономерность этого накопления, мы сможем, я уверен, снять эти отрицательные заряды.

- Очень, очень интересно- Консул весь напрягся, стараясь не упустить нить рассуждений. Чувствовалось, что его действительно интересует то, о чем говорит этот еретик- уче-

ный. Он даже наклонился к собеседнику, смотрел на него, не мигая, своими большими, пронзительными глазами.- Скажите, а в жизни общества вы находите аналогичные процессы?

- Разумеется, - улыбнулся Ученый. – Я даже подозреваю, что со временем мы сумеем и здесь регистрировать накопившееся напряжение. Вот здесь я вижу сходство в наших функциях. Политик, если он достаточно объективен, может уже сейчас - либо способствовать выходу, либо стараться разрядить, не доводя до кризисной точки. Но, к сожалению, тут гораздо чаще бывают роковые ошибки.

- Чем вы это объясняете?

Ученый вольнодумец ответил не сразу. Он притушил сигарету, посмотрел в иллюминатор, потом на своего собеседника.

- Пожалуйразрывом связей.

- Что вы имеете в виду?

- В природе все тесно взаимосвязано. Поэтому, вмешиваясь в процесс, ученый обязан учитывать все известные ему взаимосвязи. Если он что-то не учтет, ошибка даст о себе знать во всех звеньях. В политике дальние связи, к сожалению, часто игнорируются: как правило, важен ближайший результат.

- Что ж, вы возможно, правы

- Но и тут есть общее, - усмехнулся Ученый. – Чтобы ошибка обнаружилась, необходимо время. В большей или

меньшей степени, но опять-таки время.

- Да

Консул откинулся на спинку кресла, и лицо его стало отрешенно сосредоточенным. Видно было: он вспоминает или перебирает в уме какие-то далекие события. Или, может быть, лица какие-то проходили перед ним

И тогда Ученый дерзко спросил его. Дескать, он понимает нескромность своего вопроса, но, поскольку разговор частный, конфиденциальный, неофициальный, он очень хотел бы знать, желает ли сам Консул, предотвратить вооруженное столкновение, о котором пишут все средства массовой информации.

- Я желаю счастье своему народу, - важно сказал Консул-и, конечно желал бы избежать войны. Но иногда для счастья и воевать приходится, вы это хорошо знаете.

- Знаю, - сказал ученый еретик и потер пальцами надбровье, где был виден старый штраф. – Но, простите, и задам вам еще один вопрос. Как вы считаете, Правитель не желает счастье своему народу?

- Наверное, тоже, - пожал плечами Консул – но мы разошлись с ним во взглядах на это понятие.

Он величественно встал, и заучка понял, что беседа окончена и также встал.

- Мне было очень приятно, - сказал Консул, - Я с большим интересом слушал вас, и, надеюсь, что энергия вашего времени не пропала даром, - он вежливо улыбнулся, - благода-

рю вас.

- Рад был познакомиться, - ответил Ученый.

Глава 2 Консул V Президент

Самолет с Консулом приземлился, его встречали по всем правилам международного этикета: играл военный оркестр сатиров, гарцевал почетный караул кентавров, амурчики махали цветными флажками.

Потом Консул сел в длинный черный лимузин и в сопровождении эскорта кентавров поехал через весь полис в отведенный для него загородный дворец.

А Ученый, никем в толчее не замеченный, вышел на площадь перед зданием аэровокзала и постоял так несколько минут, вдыхая воздух родного города. Была весна, цвели деревья, и тополиный пух летел на землю при каждом дуновении ветра. И хотя все это с точки зрения энергии Времени не имело ровно никакого значения, ученый стоял опьяненный, чувствуя, что глаза его наполняются слезами.

Потом он купил охапку свежих цветов, сел в троллейбус и поехал домой, где его ждала жена, двое детей и рыжий пес, которого подобрал сын ученого.

Сын и дочка сидели возле телевизора. Они смотрели репортаж о встрече Верховного Консула, видели, как приземлился самолет, как подкатил у нему трап, как вышел из самолета высокий, улыбающийся полубог, но они, конечно не предполагали, что этим же самолетом прилетел отец. Все ждали его завтра или послезавтра, ждали, что даст позвонит,

и поэтому его никто не встречал.

Объектив телекамеры преследовал за Верховным Консулом до машины, а затем на экране появился диктор и сказал, что репортаж о прибытии Повелителя будет транслироваться через несколько минут на другой канал.

Сын переключил телевизор, и она увидела маленького человечка во всем голубом, перед которым тоже проходил строй почетного караула.

На человечке был широкий голубой хитон почти до колен; на ногах – голубые чулки, а на голове – голубая треугольная шапочка напоминающая детский бумажный кораблик. Человек стоял высоко подняв вверх руку в знак приветствия но даже так с поднятой рукой он едва доставал до плеча стоявшего рядом с ним генерала.

- Смотри, смотри – закричал сын.- Какой он маленький!

- Он – ребенок? – спросила дочка.

В это время изображение переключили, дали спереди, крупным планом, и они увидели во весь экран лицо, совсем немолодое, морщинистое лицо много пережившего и много передумавшего человека. Потом он улыбнулся, и они увидели совсем детскую улыбку.

И тоже засмеялись.

И рыжий пес радостно подпрыгнул к телевизору, взвизгнул и волчком закружился у ног сына и дочки.

- Сидеть! – прикрикнул на него сын.- Разве ты не видишь, как интересно. Смотри.

Пес посмотрел на него своими добрыми вопрошающими глазами, потом сел у его ног и стал смотреть в телевизор, поднял торчком левое ухо и наклонил голову вправо. Такая у него была привычка.

Правитель ехал через город в открытой колеснице. Его спутники сидели, а он стоял, держась одной рукой за поручень, другую поднял вверх для приветствия. Он приветствовал людей, которые стояли по обе стороны дороги, кивал головой и улыбался. И люди тоже улыбались, махали руками, чему-то радовались, глядя на маленькую фигурку в голубом.

Колесница ехала не очень быстро, но все же движение на встречных трассах приостановилось.

Остановился и троллейбус, в котором ехал Ученый. Остановился он у самого выезда на магистраль, и Ученый, который сидел возле окна, слева, увидел открытую машину и маленького улыбающегося человека с треугольным корабликом на голове. Легкие голубые одежды на нем колыхались под ветром, и, казалось, что весь этот маленький улыбающийся человек колышется в воздухе, что весь он какой-то неземной, полупрозрачный, сотканный из ветра и света. Он на мгновение улыбнулся своей детской улыбкой и Ученый не смог удержаться от улыбки. И все в троллейбусе заулыбались, как будто произошло в жизни что-то очень приятное.

Они не знали, что Время неумолимо делало свое дело, что его отрицательная энергия давно уже накапливалась в

этом маленьком призрачном теле, что за все эти годы борьбы, страданий и побед накопилось ее очень много, и собралась она вся где-то возле одного сердечного клапана, чтобы в какой-то момент сразу вырваться наружу.

И хотя Ученый первым среди людей открыл энергию Времени, он тоже ничего не знал, потому что никто еще не научился определять, где и как она скапливается, и что с ней делать.

И только маленький улыбающийся человечек в голубом смутно чувствовал приближение Этого. Чувствовал и спешил сделать все, что еще мог сделать на земле.

Именно поэтому, едва прибыв в отведенную для него резиденцию, он тут же собрал всех своих помощников, всех сопровождавших его советников - гетайров, стратегов, дипломатов, и молвил таковы слова:

- Завтра, в двенадцать часов дня, за круглым столом, мы встретимся со своими недругами. И уж, конечно, мазефака, они постараются очернить нас, использовать малейшую нашу оплошность, каждую нашу ошибку, чтобы показать перед всем миром, что мы в чем-то перед ним виноваты. Так вот, прежде, чем я услышу это от врагов, я хочу, чтобы мне все сказали мои друзья, все самое уязвимое, самое плохое, что я могу услышать завтра. Итак, начнем. Начнем с вас, - обратился он к сидящему рядом с ним советнику, - Я слушаю.

Они вошли в зал одновременно, с двух сторон. Пробыло двенадцать, открылись двери в двух противоположных концах зала, и они одновременно переступили черту, двадцать лет разделявшую - они увидели друг друга.

Правда, им тут же помешали – целый сонм корреспондентов, огромная, разноцветная, сверкающая блицами, шелкающая затворами, гудящая микрофонами толпа мгновенно разделилась надвое, кинулась им навстречу, и, пятась стала сближаться спинами.

И все же, в те несколько мгновений, когда они смотрели друг на друга, Консул успел все увидеть и оценить.

С высоты своего роста он увидел, каким маленьким и нелепым выглядит тот в своем голубом хитоне и в голубых чулках – в этом сверкающем зале, посреди черных дипломатических фраков и блестящих воинских нашивок, каким сутливым и нервным стал он по сравнению с прошлым, и, кажется, еще меньше ростом сделался. Он все время рывками ворочал по сторонам головой с нелепым детским корабликом на ней, говорил что-то, спрашивал что-то, и даже когда улыбался, выглядела эта улыбка какой-то дерганной и жалкой.

Консул увидел все это, ослепительно улыбнулся, и в тот самый момент сверкнули блицы – таким он и вышел на сотнях фотографий, мгновенно разлетевшихся по всему свету – рослый, статный, уверенный, с ослепительной белозубой улыбкой под растянутой ниточкой черных усов.

Корреспонденты столкнулись спинами, мгновенно поменялись местами, сделали по несколько снимков «противоположной» стороны и затем испарились, исчезли, стало необычайно тихо, только шуршали по коврам отодвигаемые стулья – делегации усаживались за огромный овальный стол.

А потом и этот единственный звук тоже стих, наступила полная тишина, все уже сидели, и как-то замерли, сосредоточились, напряглись перед тем, что должно было сейчас начаться.

Первым нарушили тишину Председатель - Пандит. Он встал и сказал, что рад согласию обеих сторон прибыть в этот город, занять место за этим столом. За ним уже не раз заседали конфликтующие стороны, типа Зевса и Тифона, и всегда дело кончалось миром. Мы надеемся, сказал Пандит, что так будет и на этот раз.

Потом он говорил о значении мира в данном регионе земного шара, о том, что опасность вооруженного конфликта является всеобщей при нынешних средствах ведения войны о том, что при доброй воле обеих сторон конфликт можно уладить мирными средствами.

Он говорил, а Консул в упор смотрел на Президента и все ждал, когда же тот глянет на него. Он был убежден – они должны столкнуться взглядами. Ему хотелось хотя бы на мгновение заглянуть в те глаза, увидеть в них униженность, растерянность, страх

Двадцать лет он мечтал об этом, двадцать лет нечелове-

ческого напряжения, титанических усилий, нервов, бессонных ночей, чтобы создать железную государственную машину, быстро и безотказно повинующуюся каждому его движению. Пока тот, именуемый себе Президентом, играл в своей стране в демократию, спорил с оппозицией, произносил речи, вводил социальные эксперименты, он, Верховный Консул, взвалил на себя груз единоличной ответственности за все, что делалось в стране. Он сам все решал, сам все доводил до конца, сам себе был и парламентом, и оппозицией! Это было потруднее, чем произносить речи и бороться на выборах. Там можно было проиграть и отойти в сторону... Ему же отходить было некуда, разве что в небытие Но он выстоял. Всех победил, все переборол, создал то, что хотел – сильное, мощное, послушное государство, способное хорошо работать и хорошо воевать, способное сейчас возвратить себе все то, что было отнято у него при разделе

И вот когда-то Консулу захотелось посмотреть Президенту в глаза. Может, ради этого он и согласился на переговоры.

Но Президент упорно не желал посмотреть на него. Он все время просматривал какие-то бумаги, переговаривался со своими советниками, даже оглядывался, ворочая без конца своей нелепой головой.

Только на своего противника он так ни разу не посмотрел. «Ничего, - усмехнулся Консул. – Посмотришь.»

В этот момент кто-то из помощников придвинул Президенту планшет с открытой статьей, очерченный красным

маркером. Президент быстро глянул, махнул поверх статьи тыльной стороной ладони, словно сметая мусор, и этот жест, так хорошо знакомый Консулу со дней совместной молодости, вдруг воскресил в его памяти одну из встреч, едва ли не самую последнюю.

Вот так же махнул тот когда-то поверх программной декларации, которую составил Консул. Они сидели в одной камере, человек десять – самых активных деятелей движения, арестованных в день похорон Великого Негуса, чье имя и жизнь стала символом освобождения страны от саибов-колонизаторов. И не только жизнь. Сама смерть его стала как бы продолжением жизни, она всколыхнула огромные массы народа, вызвала нарастающие волнения по всей стране. Арест участников митинга только усилил эти волнения, по сути дела они вылились в общенародную демонстрацию, которая перерастала в революцию.

Сидя у себя в камере они очень явственно ощущали ее раскаты, даже по отношению к себе тюремного начальства. Оно вдруг сделалось на редкость вежливым, покладистым, разрешило иметь в камере бумагу, чернила, дело дошло до того, что им просовывали, в окно телефонную трубку и они могли разговаривать с родными

Было совершенно ясно, что страна стоит на пороге долгожданной Свободы, и вот тогда-то Консул написал свой проект Декларации, а тот, едва пробежал глазами, тут же «смахнул сор» и заявил, что Декларация один вид порабощения

заменяет другим.

Это собственно, был давний спор, но раньше он носил слишком отвлеченный, казалось, характер, чтобы придавать ему большое значение. А тут они вдруг оказались перед выбором: широкая демократия с самого начала или жесткий военизированный режим – пока станут на ноги и смогут позволить себе роскошь заниматься дебатами

С ними не было уже признанного вождя, человека, который пользовался огромным авторитетом народа, и они понимали, что от решения будет зависеть по какому пути пойдет страна.

- Надо быть реалистом, - говорил тогда Консул. – На первых порах без военного режима не обойтись. Повторяю, на первых порах!

- Ну, конечно! – иронизировал маленький.- Как только народ созреет политически, ваша Железная рука тут же уступит власть народу!

- Именно так!

- Когда колонизаторы оправдывают деспотию политической незрелостью народа, это подло, но на то они колонизаторы. Когда же это делают собственные «освободители», подлость, по моему, не то слово, тут кое-что похуже

Он умел находить ядовитые слова.

Консул помнил только, что в глазах на какой-то миг помутилось, а потом, когда он пришел в себя, оппонентов уже растащили по разным концам камеры.

Всякое жизнь представила каждому из них возможность
проверить на практике свои убе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.